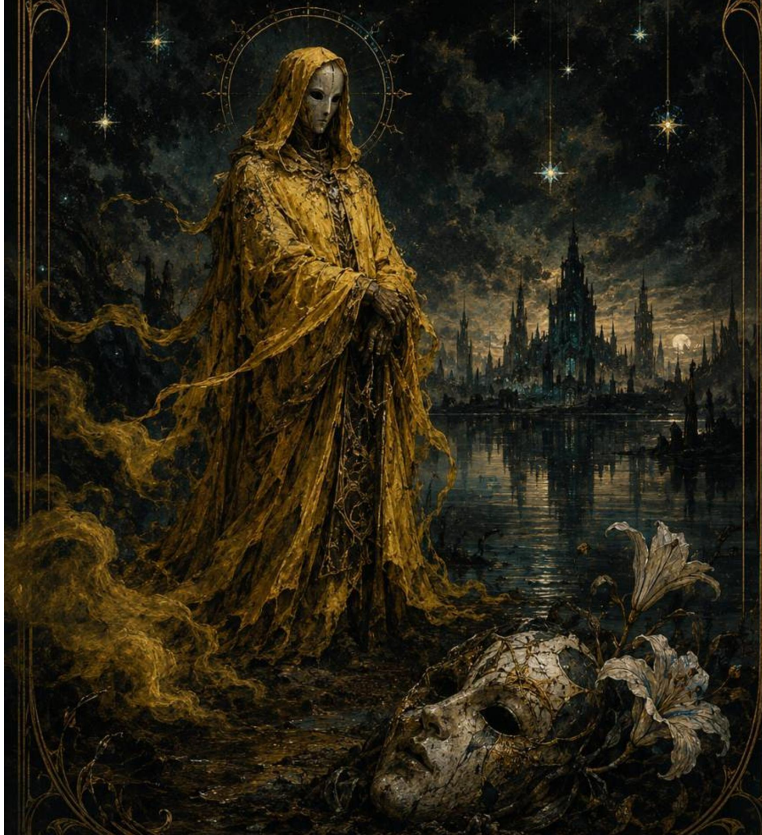

КОРОЛЬ В ЖЁЛТОМ

— РОБЕРТ У. ЧЕМБЕРС —

Роберт Чемберс

Король в жёлтом

<https://litres.ru/74032721>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роберт У. Чемберс, успешный художник и популярный романист, однажды создал книгу, которую не сумел превзойти. «Король в Жёлтом» — сборник рассказов, пронизанных единой зловещей нитью: таинственной пьесой, чей текст несёт безумие всякому, кто заглянет во второй акт. Никто не знает её содержания — лишь то, что она повествует о городе Каркозе, где в небесах висят чёрные звёзды, и о Бледной Маске, чей облик преследует обречённых. От парижских мансард до американских гостиниц, от историй о роковой любви до леденящих душу происшествий — все сюжеты ведут к Жёлтому Знаку. Эта книга, вдохновившая Лавкрафта и породившая целую вселенную «странной литературы», в настоящем издании впервые обретает живое русское звучание. Здесь декаданс встречается с ужасом, а красота оборачивается проклятием. Прочтите на свой страх и риск — и помните: иногда лучше не переворачивать страницу.

Содержание

Глава	4
ВОССТАНОВИТЕЛЬ РЕПУТАЦИЙ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Роберт У. Чемберс

Король в жёлтом

Глава

Об авторе и его книге

Роберт Уильям Чемберс (1865–1933) — одна из тех фигур в американской литературе, чья судьба на удивление точно отражает излом рубежа веков. Он родился в Бруклине, учился живописи в Париже, выставлялся в Салоне, вращался в богемных кругах Латинского квартала — и, казалось, сама жизнь предназначила ему карьеру художника. Но судьба распорядилась иначе: в начале 1890-х годов Чемберс обратился к литературе и очень скоро сделался одним из самых успешных и высокооплачиваемых писателей Америки.

Впрочем, успех пришёл к нему позже — с историческими романами и великосветскими мелодрамами, которые публика поглощала с жадностью. А начиналось всё совсем иначе. В 1895 году, ещё не зная, чем обернётся его литературный путь, Чемберс выпустил небольшой сборник рассказов под названием «Король в Жёлтом». Именно этой книге суждено было стать его самым долговечным произведением.

«Король в Жёлтом» — вещь странная, беспокойная, не укладывающаяся в привычные жанровые рамки. Сборник

объединяет рассказы, на первый взгляд не связанные между собой: здесь и богемный Париж, знакомый автору не понаслышке, и мрачная фантазия о проклятой пьесе, одно чтение которой способно разрушить рассудок, и своеобразная поэзия в прозе. Вымышленная пьеса «Король в Жёлтом», чьи отрывки предпосланы некоторым главам, стала сердцем книги. О ней мы не знаем почти ничего — лишь то, что её второй акт невыносим для человеческого сознания, что она говорит о странном городе Каркозе, о чёрных звёздах, озере Хали и Бледной Маске. Эта недосказанность, эта тьма за краем страницы и создают ту тревожную атмосферу, которая много лет спустя заморозит Говарда Лавкрафта и целую плеяду авторов «странной литературы».

Парадокс Чемберса в том, что он никогда больше не вернулся к тому тёмному, декадентскому духу, которым пронизана эта книга. Он ушёл в коммерческую беллетристику — и преуспел. Но «Король в Жёлтом» остался жить собственной жизнью, обрастая легендами и влиянием, словно тот самый запретный томик, что переходит из рук в руки в рассказах сборника.

В настоящем издании мы постарались вернуть этому своеобразному шедевру живое русское звучание — чтобы читатель мог ощутить подлинный вкус прозы Чемберса, не заслонённый переводческой инерцией. Все тексты подверглись тщательной литературной редактуре, цель которой — сохранив дух и стиль автора, сделать их по-настоящему русской

прозой, а не бледным слепком с иноязычного оригинала.

Приятного чтения — и помните: если вам вдруг попадётся в руки пьеса «Король в Жёлтом», лучше ограничиться первым актом.

«КОРОЛЬ В ЖЕЛТОМ» ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ БРАТУ

“У берега дробятся валы облаков,
Двойные солнца тонут за зеркалом вод,
Тени растут
В Каркозе.

Странная ночь, где чёрные звёзды восходят,
И чуждые луны по небу плывут,
Но страннее всех —
Забытая Каркоза.

Песни, что Гиады пропоют,
Где плещут лохмотья Короля,
Умрут неслышаны в
Тусклой Каркозе.

Песнь моей души, мой голос мёртв;
Умри, неспетая, как непролитые слёзы
Иссохнут и умрут в

Потерянной Каркозе.”

Песнь Кассильды в «Короле в Жёлтом», акт I, сцена 2.

ВОССТАНОВИТЕЛЬ РЕПУТАЦИИ

«Ne raillons pas les fous; leur folie dure plus longtemps que la nôtre... Voilà toute la différence.»

(«Не будем смеяться над безумцами; их безумие длится дольше нашего... Вот и вся разница».)

К концу 1920 года правительство Соединённых Штатов практически завершило программу, принятую в последние месяцы правления президента Уинтропа. Страна казалась спокойной. Всем известно, как разрешились вопросы тарифов и труда. Война с Германией, вызванная захватом ею островов Самоа, не оставила на республике заметных шрамов, а временную оккупацию Норфолка армией вторжения забыли в радости от череды морских побед и последующего нелепого положения, в каком очутились силы генерала фон Гартенлаубе в штате Нью-Джерси. Вложения в Кубу и Гавайи окупились стократно, а территория Самоа вполне стоила затрат как угольная станция. Страна пребывала в превосходном оборонительном состоянии. Все прибрежные города были основательно укреплены фортами; армия под бдительным оком Генерального штаба, организованная по прусской системе, выросла до трёхсот тысяч человек с миллионным территориальным резервом; шесть великолепных эскадр крей-

серов и броненосцев патрулировали шесть станций судоходных морей, а паровой резерв оставался в полной готовности контролировать внутренние воды. Джентльмены с Запада наконец-то вынуждены были признать, что колледж для подготовки дипломатов столь же необходим, как юридические школы — для подготовки адвокатов; соответственно, за границей нас больше не представляли некомпетентные патриоты. Нация процветала; Чикаго, на мгновение парализованный вторым великим пожаром, восстал из руин — белый и величественный, ещё прекраснее, чем тот белый город, что был построен ему на забаву в 1893 году. Хорошая архитектура повсюду вытесняла дурную, и даже в Нью-Йорке внезапная жажда приличия смела изрядную часть существовавших ужасов. Улицы расширили, замостили и осветили, высадили деревья, разбили скверы, снесли надземные сооружения, заменив их подземными дорогами. Новые правительственные здания и казармы являли собой прекрасные образцы архитектуры, а протяжённая система каменных набережных, полностью опоясавшая остров, обратилась в парки, ставшие для населения истинным благословением. Субсидирование государственного театра и государственной оперы принесло свои плоды. Национальная академия художеств Соединённых Штатов вполне уподобилась европейским учреждениям того же толка. Никто не завидовал министру изящных искусств — ни его месту в кабинете, ни его портфелю. Министру лесного хозяйства и охраны дичи жилось куда легче

благодаря новой системе национальной конной полиции. Мы извлекли немалую выгоду из последних договоров с Францией и Англией; исключение иностранных евреев как мера самосохранения, обустройство нового независимого негритянского штата Суони, ограничение иммиграции, новые законы о натурализации и постепенная централизация власти в руках исполнительной ветви — всё способствовало национальному спокойствию и процветанию. Когда правительство решило индейскую проблему и эскадроны индейских кавалерийских разведчиков в национальных костюмах заменили те жалкие формирования, что прежний военный министр прицеплял в хвост оципанным полкам, нация вздохнула с огромным облегчением. Когда после грандиозного Конгресса религий фанатизм и нетерпимость упокоились в могилах, а доброта и милосердие начали сближать враждующие секты, многие решили, что настал золотой век — по крайней мере, в Новом Свете, который, в конце концов, есть мир сам по себе.

Но самосохранение — первый закон, и Соединённым Штатам оставалось лишь в бессильной скорби взирать на то, как Германия, Италия, Испания и Бельгия корчатся в муках Анархии, меж тем как Россия, наблюдавшая с Кавказа, наклонялась и связывала их одну за другой.

В городе Нью-Йорке лето 1899 года ознаменовалось монтажом надземных железных дорог. Лето 1900-го останется в памяти ньюйоркцев на долгие времена — в тот год убра-

ли Статую Доджа. Следующей зимой началась та агитация за отмену законов, запрещавших самоубийство, которая принесла окончательные плоды в апреле 1920 года, когда на Вашингтон-сквер открылась первая Правительственная Палата смерти.

В тот день я пришёл пешком от дома доктора Арчера на Мэдисон-авеню, где побывал лишь для проформы. С самого падения с лошади четыре года назад меня временами мучили боли в затылке и шее, но вот уже несколько месяцев как они исчезли, и доктор отослал меня прочь, сказав, что лечить во мне больше нечего. Вряд ли это стоило его гонорара — я и сам это знал. И всё же я не жалел для него денег. Меня заботила та ошибка, которую он совершил поначалу. Когда меня подобрали с мостовой, где я лежал без сознания, и кто-то милосердно пустил пулю в голову моей лошади, меня отнесли к доктору Арчеру, а тот, объявив, что у меня затронут мозг, поместил в свою частную лечебницу, где мне пришлось сносить лечение от безумия. В конце концов он решил, что я здоров, и я, зная, что мой рассудок всегда был так же здрав, как его собственный, если не более, «оплатил обучение», как он шутливо выразился, и ушёл. Я с улыбкой сказал ему, что расквитаюсь с ним за его ошибку, а он от души рассмеялся и попросил заходить время от времени. Я так и делал, надеясь на случай свести счёты, но он мне его не давал, и я сказал, что подожду.

Падение с лошади, к счастью, не оставило дурных послед-

ствий; напротив, оно полностью переменяло мой характер к лучшему. Из праздного молодого повесы я превратился в деятельного, энергичного, воздержанного и, превыше всего — о, превыше всего — честолюбивого человека. Только одно меня тревожило; я смеялся над собственной тревогой, и всё же она меня не отпускала.

Во время выздоровления я купил и впервые прочёл «Короля в Жёлтом». Помню, как по окончании первого акта мне пришло в голову, что лучше остановиться. Я вскочил и швырнул книгу в камин; томик ударился о решётку и упал раскрытым на пол в отблесках огня. Если бы я не ухватил взглядом первые слова второго акта, я бы никогда не дочитал её, но когда я наклонился поднять книгу, мои глаза приковало к раскрытой странице, и с криком ужаса — или, быть может, столь пронзительной радости, что страдал каждый мой нерв, — я схватил книгу и, дрожа, прокрался в спальню, где читал и перечитывал его, и рыдал, и смеялся, и трепетал от ужаса, что до сих пор порой охватывает меня. Вот что меня мучит, ибо я не могу забыть Каркозу, где в небесах висят чёрные звёзды; где тени человеческих мыслей удлиняются к вечеру, когда двойные солнца погружаются в озеро Хали; и мой разум навеки сохранит память о Бледной Маске. Я молю Бога, чтобы Он проклял писателя, как писатель проклял мир этим прекрасным, чудовищным творением, ужасным в своей простоте, неодолимым в своей истине, — миром, который ныне трепещет пред Королём в Жёлтом. Ко-

гда французское правительство изъяло переводные экземпляры, только что прибывшие в Париж, Лондон, разумеется, возжаждал её прочесть. Хорошо известно, как книга распространялась, подобно заразной болезни, из города в город, с континента на континент — где-то запрещённая, где-то конфискованная, осуждённая прессой и проповедниками, порицаемая даже самыми продвинутыми литературными анархистами. Никакие определённые принципы не были нарушены в этих нечестивых страницах, никакая доктрина не провозглашалась, никакие убеждения не оскорблялись. Её невозможно было судить по каким-либо известным меркам, и однако же, хотя признавалось, что в «Короле в Жёлтом» достигнута высшая нота искусства, все чувствовали, что человеческая природа не выдержит напряжения и не сможет питаться словами, в которых таится эссенция чистейшего яда. Сама банальность и невинность первого акта лишь позволяла удару обрушиться впоследствии с ещё более ужасной силой.

Помнится, именно 13 апреля 1920 года первая Правительственная Палата смерти была учреждена на южной стороне Вашингтон-сквер, между Вустер-стрит и Южной Пятой авеню. Квартал, прежде состоявший из множества обветшалых старых зданий, служивших кафе и ресторанами для иностранцев, был приобретён правительством зимой 1898 года. Французские и итальянские кафе и рестораны снесли; весь квартал обнесли золочёной железной оградой и превра-

тили в прелестный сад с лужайками, цветами и фонтанами. В центре сада стояло небольшое белое здание, строго классической архитектуры, окружённое зарослями цветов. Шесть ионических колонн поддерживали крышу, а единственная дверь была бронзовой. Великолепная мраморная группа «Мойры» стояла перед дверью — работа молодого американского скульптора Бориса Ивэйна, умершего в Париже, когда ему было всего двадцать три года.

Церемония открытия как раз шла, когда я пересёк Университи-Плейс и вошёл на площадь. Я пробрался сквозь безмолвную толпу зевак, но на Четвёртой улице меня остановило полицейское оцепление. Полк улан Соединённых Штатов выстроился полым каре вокруг Палаты смерти. На возвышении перед Вашингтон-парком стоял губернатор Нью-Йорка, а позади него расположились мэр Нью-Йорка и Бруклина, генеральный инспектор полиции, командующий войсками штата, полковник Ливингстон, военный адъютант президента Соединённых Штатов, генерал Блаунт, командующий на Губернаторском острове, генерал-майор Гамильтон, командующий гарнизоном Нью-Йорка и Бруклина, адмирал Баффби из флотилии на Норт-Ривер, главный хирург Лэнсфорд, персонал Национального бесплатного госпиталя, сенаторы Уайз и Франклин от Нью-Йорка, а также уполномоченный по общественным работам. Трибуну окружал эскадрон гусар Национальной гвардии.

Губернатор заканчивал ответ на краткую речь главного

хирурга. Я услышал его слова: «Законы, запрещавшие самоубийство и предусматривавшие наказание за любую попытку самоуничтожения, отменены. Правительство сочло нужным признать право человека положить конец существованию, которое сделалось для него невыносимым из-за физических страданий или душевного отчаяния. Полагается, что общество лишь выиграет от удаления подобных людей из своей среды. С принятием этого закона число самоубийств в Соединённых Штатах не возросло. Теперь, когда правительство постановило учредить Палату смерти в каждом городе, городке и деревне страны, остаётся увидеть, примет ли тот разряд человеческих существ, из чьих унылых рядов ежедневно выбывают новые жертвы самоуничтожения, предлагаемое им избавление». Он умолк и повернулся к белой Палате смерти. На улице воцарилась полная тишина. «Там безболезненная смерть ожидает всякого, кто более не в силах сносить горести этой жизни. Если смерть желанна — пусть ищет её там». Затем, быстро обернувшись к военному адъютанту президентской администрации, он произнёс: «Объявляю Палату смерти открытой», — и, снова повернувшись к огромной толпе, звонко воскликнул: «Граждане Нью-Йорка и Соединённых Штатов Америки, через меня правительство объявляет Палату смерти открытой».

Торжественную тишину разорвал резкий выкрик команды; эскадрон гусар потянулся вслед за каретой губернатора, уланы развернулись и выстроились вдоль Пятой авеню

в ожидании коменданта гарнизона, а за ними последовала конная полиция. Я оставил толпу глазеть на беломраморную Палату смерти и, перейдя Южную Пятую авеню, пошёл по западной стороне этой улицы до Бликер-стрит. Затем повернул направо и остановился перед тусклой лавкой с вывеской.

ХОБЕРК, ОРУЖЕЙНИК

Я заглянул в дверь и увидел Хоберка, занятого работой в своей каморке в конце холла. Он поднял взгляд и, заметив меня, воскликнул своим низким, радушным голосом: «Входите, мистер Кастейн!» Констанс, его дочь, поднялась мне навстречу, как только я переступил порог, и протянула свою хорошенькую ручку, но я заметил румянец разочарования на её щеках и понял, что она ждала другого Кастейна — моего кузена Луи. Я улыбнулся её замешательству и похвалил знамя, которое она вышивала по цветной иллюстрации. Старый Хоберк клепал изношенные поножи какого-то старинного доспеха, и негромкое «тинь! тинь! тинь!» его молоточка приятно звучало в причудливой лавке. Вскоре он отложил молоток и на мгновение завозился с крошечным гаечным ключом. Мягкое звяканье кольчуги пробудило во мне трепет удовольствия. Я любил слушать музыку стали, трущейся о сталь, мягкий удар киянки по набедренникам и позвякивание кольчатой брони. Только ради этого я и навещал Хоберка. Сам по себе он никогда меня не занимал, как и Констанс, если не считать того обстоятельства, что она была влюблена в Луи. Это и впрямь занимало мои мысли, а порой даже

не давало уснуть по ночам. Но в глубине души я знал, что всё образуется, и что я устрою их будущее так же, как рассчитывал устроить будущее моего любезного доктора, Джона Арчера. Впрочем, я бы и не подумал утруждать себя визитом к ним именно сейчас, если бы, как я уже говорил, музыка позвякивающего молотка не обладала для меня столь сильным очарованием. Я мог сидеть часами, слушая и слушая, а когда случайный солнечный луч падал на инкрустированную сталь, ощущение становилось почти невыносимо острым. Глаза мои застывали, расширяясь от наслаждения, которое натягивало каждый нерв едва ли не до предела, пока какое-нибудь движение старого оружейника не заслоняло луч солнца; тогда, всё ещё содрогаясь втайне, я откидывался на спинку стула и вновь вслушивался в звук полировочной тряпки — вжик! вжик! — стиравшей ржавчину с заклёпок.

Констанс вышивала, держа работу на коленях, и время от времени отрывалась, чтобы пристальнее рассмотреть узор на цветной иллюстрации из Метрополитен-музея.

— Для кого это? — спросил я.

Хоберк объяснил, что, помимо сокровищ оружейной коллекции Метрополитен-музея, в которой его назначили оружейником, он также заведует несколькими собраниями богатых любителей. Вот недостающий понож от знаменитого доспеха, который его клиент разыскал в маленькой лавке на парижской набережной Орсе. Он, Хоберк, провёл переговоры и добыл понож, и теперь доспех обрёл целостность. Он

отложил молоток и прочёл мне историю доспеха, прослеженную с 1450 года от владельца к владельцу, пока тот не достался Томасу Стэйнбриджу. Когда его великолепную коллекцию распродали, клиент Хоберка приобрёл доспех, и с той поры поиски недостающего поножа продолжались до тех пор, пока его почти случайно не обнаружили в Париже.

— И вы продолжали поиски столь упорно, не имея уверенности, что понож вообще сохранился? — поинтересовался я.

— Разумеется, — хладнокровно отвечал он.

Тут я впервые испытал личный интерес к Хоберку.

— Вам это чего-то да стоило, — предположил я.

— Нет, — ответил он со смехом, — моей наградой было удовольствие от находки.

— А разве вы не стремитесь разбогатеть? — с улыбкой спросил я.

— Моё единственное стремление — стать лучшим оружейником в мире, — серьёзно ответил он.

Констанс спросила, видел ли я церемонию у Палаты смерти. Сама она заметила кавалерию, проезжавшую в то утро вверх по Бродвею, и хотела посмотреть открытие, но отец желал, чтобы знамя было закончено, и она осталась по его просьбе.

— А вашего кузена, мистер Кастейн, вы там не видели? — спросила она, и её мягкие ресницы едва заметно дрогнули.

— Нет, — беззаботно отвечал я. — Полк Луи проводит

манёвры в округе Уэстчестер.

Я поднялся и взял шляпу и трость.

— Опять идёте наверх поглядеть на безумца? — рассмеялся старый Хоберк. Если бы Хоберк знал, как я ненавижу слово «безумец», он никогда не произносил бы его в моём присутствии. Оно пробуждает во мне известные чувства, которые я не желаю объяснять. Однако я спокойно ответил:

— Думаю, загляну ненадолго к мистеру Уайльду.

— Бедняга, — сказала Констанс, покачивая головой, — должно быть, тяжело жить год за годом в одиночестве, бедным, увечным и почти умалишённым. Это очень любезно с вашей стороны, мистер Кастейн, навещать его так часто.

— По-моему, он злобен, — заметил Хоберк, снова принимаясь за молоток. Я слушал золотистое позвякивание по пластинам поножей; когда он закончил, я ответил:

— Нет, он не злобен и ничуть не безумен. Его разум — кунсткамера чудес, из которой он извлекает сокровища, за какие мы с вами отдали бы годы жизни.

Хоберк рассмеялся.

Я продолжал с лёгким нетерпением:

— Он знает историю, как никто другой. Ничто, сколь угодно пустячное, не ускользает от его изысканий, и память его столь совершенна, столь точна в деталях, что, знай в Нью-Йорке о существовании такого человека, его не могли бы почитать в достаточной мере.

— Вздор, — пробормотал Хоберк, отыскивая на полу

упавшую заклёпку.

— Разве это вздор, — спросил я, сдерживая то, что чувствовал, — разве вздор, когда он говорит, что тассеты и набедренники эмалевого доспеха, известного как «Герб принца», можно найти среди груды ржавого театрального реквизита, сломанных печей и тряпичного хлама на чердаке на Пелл-стрит?

Молоток Хоберка упал на пол, но он поднял его и с величайшим спокойствием осведомился, откуда я знаю, что у «Герба принца» недостаёт тассетов и левого набедренника.

— Я не знал, пока мистер Уайльд не упомянул об этом на днях. Он сказал, что они на чердаке дома 998 по Пелл-стрит.

— Вздор, — воскликнул он, но я заметил, как его рука дрожит под кожаным фартуком.

— И это тоже вздор? — любезно осведомился я. — Это вздор, что мистер Уайльд неоднократно называет вас маркизом Эйвонширским, а мисс Констанс...

Я не договорил, потому что Констанс вскочила на ноги с ужасом, написанным на каждой черте её лица. Хоберк взглянул на меня и медленно разгладил кожаный фартук.

— Это невозможно, — заметил он, — мистер Уайльд, возможно, знает великое множество вещей...

— К примеру, о доспехах и о «Гербе принца», — вставил я с улыбкой.

— Да, — медленно продолжал он, — и о доспехах тоже, возможно, но он ошибается насчёт маркиза Эйвоншира, ко-

торый, как вам известно, много лет назад убил клеветника своей жены и уехал в Австралию, где ненадолго пережил супругу.

— Мистер Уайльд ошибается, — прошептала Констанс. Губы её побелели, но голос остался нежным и спокойным.

— Давайте согласимся, прошу вас, что в этом единственном обстоятельстве мистер Уайльд неправ, — сказал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.